

ИВАН ЩЁЛОКОВ

ВОТ НАМ БЫ ТАК...

* * *

Бреди по лужам, шлёпай по грязи,
Сгребай листву штанинами ветров,
Не ощущая слякоти вблизи
И вдалеке — дыханья холодов.

Не эта грязь, что под ногами, зла,
Не та, что въелась в трещины подошв,
А та, что разъедает нас дотла,
Просачиваясь в души словом “ложь”.

Пока возможно, радуйся листку:
Как мастерский по воле ветерка
Он, накренься, на золотом боку
Скользит изящно мимо каблука!

Вот нам бы так — чтоб хляби в пух и прах!
Но мы, в лодчонках осени гнездясь,
Нырём в лужи жизни, как впотьмах,
И через край зачёрпываем грязь.

ЩЁЛОКОВ Иван Александрович родился в 1956 году в с. Красный Лог Каширского района Воронежской области. Автор 12 книг. Печатался в “Литературной газете”, альманахах “День поэзии России” за 2006–2019 годы, журналах “Наши современники”, “Москва”, “Молодая гвардия”, “Роман-журнал. XXI век”, “Сельская новь”, “Воин России”, “Пограничник”, “Север” (Петрозаводск) и др. Заслуженный работник культуры России, лауреат многих литературных премий. Главный редактор литературно-художественного журнала “Подъём”, председатель правления Воронежского регионального отделения Союза писателей России.

* * *

Стервенеем, черствеем, звереем.
Чем цивилизней живём, тем подлей.
И друг друга прощать не умеем,
И стыдимся казаться милей.

Пропадаем, мельчаем... По краю
Ходим, гоним, играем с судьбой.
Страшно мне, что и сам пропадаю,
И тебя волоку за собой.

Понимаю умом своим трезвым,
Сердцем чутко эпоху ловлю
И капризным ребёнком прогресса
Ненавижу его и люблю.

ПЕСНЬ О ЖИВОЙ ЗЕМЛЕ

Послушай: она ещё бьётся и бьётся
На уровне сердца, на взлёте бровей,
Под огненным обручем позднего солнца,
В клубящейся плазме небесных кровей.
Жива после ливня, жива после вьюги...
А вдали: мертва, как космический тлен,
Силком волокли за заборы от плуга,
Подобно наложнице в собственный плен.

Смотри: не она ли крадётся беглянкой —
Укуталась в шаль тополиных ветвей?
Противится быть подневольной делянкой,
Привыкла быть полем для русских людей.
Жива после распрей и смут неурочных...
От сабель ордынских, тевтонских крестов,
От разных мастей самозванцев и прочих
Посконных иуд сберегала свой кров.

Пока наша память голубкою вьётся
Над Волгой, над Доном, над ширью степей,
Живая земля никому не сдаётся
И верит в надёжность своих сыновей...
Я слушаю чутко, гляжусь в неё зорко:
Жива — обесчещенной, нищей, больной!
А то, что покрылась предательской коркой,
Так мы её миром, как деда, сохой...

* * *

Суд небесный, суд земной...
Первомайский парк. Прохлада
Стелет первую листвою
Две дорожки у ограды.

Эта — к храму, к Богу, в рай.
Эта — смутною тревогой
Наполняет через край,
Не приблизив душу к Богу.

Взгромоздившийся на сук
Ворон мерит зорким оком:
В светлой блажи — Божий Суд
И людской — в тщете глубокой.

Колокольный медный звон.
Сладок утренника ладан.
Суд небесный — радость, сон.
Парк. Начало листопада.

В САДУ В МЕЖСЕЗОНЬЕ

Старинный сад — заброшенная сотка
Земли, питавшей чудными дарами
Не где-нибудь, в краю глухих селений,
А в двух шагах от улицы центральной,
Где каждый метр земли буквально дышит
Историей Воронежа...

На зависть

Редчайшими представлен сад сортами,
Таких на рынке в наши дни не купишь...
Здесь всё в едином торжестве и страсти
Переплелось, срослось и совместилось
В ветвях, сучках, побегах, сухостое;
Здесь сливы, вишни, бузина, шиповник,
И яблони, и груши вместе с вязом
И с клёном, с диким виноградом даже
Миролюбиво устремились к солнцу...
Рассказывают: этот сад ничейный
Сажали вновь в войну, когда изгнали
Из города фашистов в сорок третьем,
За исключением двух кавказских сосен:
Их раньше, в девятнадцатом столетье,
Взрастили сами Бунины...

Вот так-то!

Старинный сад...

Октябрь, покликнув ветер

В проулках, с вяза, клёна, винограда,
Со слив и вишен, с бузины и яблонь,
С шиповника и груш листву стрясают,
Чтоб всё это цветастое убранство
В мгновениях родства земли и неба,
Устав от бесконечной тяги к солнцу,
Нашло приют в большущей рыхлой куче —
Под соснами кавказскими, к забору...
Старинный сад...

Дом Буниных...

Как странно

Себя здесь ощущать средь запустенья,
Средь окаянных будней межсезонья...
И лишь тропа в густой листве приметна.

* * *

Бабочка пальцекрылка, как Христос,
Крылья-руки распяла — знать, к чему бы?
Клён из-под прядей багряных волос
К небу-евангелию тянет губы.

Колокол грянул — гордыня прошла.
Что-то не так или так, как не надо!
Бабочка на коре — вразброс душа.
Ищет ли что у церковной ограды?

Сколько живу, не могу я понять
Смысл переменчивых пёстрых мгновений,
Где тебя бабочкой могут распять
Без обязательства на воскрешенье.